

А. Ю. Минаков

## М. Л. МАГНИЦКИЙ КАК РЕЛИГИОЗНЫЙ ТИП В ЦАРСТВОВАНИИ АЛЕКСАНДРА I И НИКОЛАЯ I\*

Михаил Леонтьевич Магницкий являлся видным государственным деятелем в царствование Александра I. Он оказал существенное влияние на формирование правительственного курса в области науки, образования, цензуры и религиозной политики. Первоначально Магницкий являлся сторонником просветительских и конституционных идей, членом масонской ложи «Полярная звезда», ближайшим сподвижником лидера российских либералов М. М. Сперанского. Во время ссылки в 1812–1816 гг. Магницкий пережил духовный переворот, который привел его к религии. Магницкий осуществил ряд мероприятий в Казанском университете, которые должны были внедрить религиозную компоненту в науку и образование. Взгляды его первоначально были далеки от православия и развивались в русле модного тогда среди интеллектуальной и политической элиты протестантского мистицизма. Полный анализ его мировоззрения свидетельствует, что Магницкий с 1820-х гг., порвав с либеральным лагерем, стал убежденным консерваторм. Он прошел сложную эволюцию от либерала-западника, деиста, затем поклонника вне-конфессиональной мистики вплоть до православного консерватора-монархиста. Подобного рода духовный путь был достаточно типичен для многих видных представителей русской консервативной мысли.

**Ключевые слова:** эволюция религиозных взглядов М. Л. Магницкого, русский консерватизм, политика в области образования и науки в первой четверти XIX в., масонство, мистицизм, православная оппозиция.

Имя Михаила Леонтьевича Магницкого, государственного деятеля эпохи Александра I, обычно ассоциируется лишь с ярлыками, которыми щедро снабжала в течение полутора столетий его имя отечественная историография — «крайний реакционер», «дикий мракобес», «разрушитель Казанского университета»<sup>1</sup>.

---

Аркадий Юрьевич Минаков — доктор исторических наук, профессор исторического факультета Воронежского государственного университета, директор Зональной научной библиотеки Воронежского государственного университета (minak.arkady2010@yandex.ru).

\* В основу статьи положено исследование, проведенное при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15-11-36005).

<sup>1</sup> См. о нем: Феоктистов Е. М. Магницкий. Материалы для истории просвещения в России // Русский вестник. 1864. № 6–8; Загоскин Н. П. История императорского Казанского университета за первые сто лет его существования (1804–1904). Казань,

Немалую роль в создании подобного крайне негативного образа Магницкого сыграла и русская литература XIX в. А. С. Пушкин во «Втором послании цензору» мимоходом упомянул его как одного из тех чиновников александровского царствования, кто «усердно задушить старался просвещение», в «чи пакостные руки... были вверены, печальные науки». В эпиграмме П. А. Вяземского следующим образом высмеивалась зависимость взглядов Магницкого от политической конъюнктуры:

Модницкий, глядя по погоде,  
То ходит красном колпаке,  
То в рясах, в черном клобуке.  
Когда безбожье было в моде,  
Он был безбожья хвастуном,  
Теперь в прихожей и в приходе  
Он щеголяет ханжеством<sup>2</sup>.

В сказке М. Е. Салтыкова-Щедрина «Медведь на воеводстве» ее главный герой майор Топтыгин рассчитывает, что, став воеводой в лесной труппе, «как приедет на место, так сейчас же разорит типографию». «Оказалось, однако ж, что во вверенной ему труппе ни одной типографии нет; хотя же старожилы и припоминали, что существовал некогда... казенный ручной станок, который лесные куранты тискал, но еще

---

1902–1904. Т. 1–4; Попов Н. А. Общество любителей отечественной словесности и периодической литературы в Казани с 1804 по 1834 гг. // Русский вестник. 1859. Т. 23; Скабичевский А. М. Очерки истории русской цензуры (1800–1863). СПб., 1892; Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению: в 2 т. СПб., 1889. Т. 1. Из новейших работ см.: Вишленкова Е. А. Ревизор, или Случай университетской проверки 1819 года // Отечественная история. 2002. № 4. С. 22–35.

Статья основана на наших исследованиях: «Погром» или ревизия? (предисловие к публикации архивного документа «Отчет по обозрению Казанского университета» Магницкого М. Л.) // Консерватизм в России и мире: в 3 ч. Воронеж, 2004. Ч. 3. С. 122–125; Михаил Леонтьевич Магницкий // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / отв. ред. А. Ю. Минаков. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2005. С. 267–307; Михаил Леонтьевич Магницкий // Вопросы истории. 2010. № 11. С. 36–49; Русский консерватизм в первой четверти XIX века: монография / А. Ю. Минаков. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2011. 560 с.; Вера не по разуму // Родина. 2011. № 12. С. 86–88; Русская партия в первой четверти XIX века. М., Институт русской цивилизации, 2013. 528 с.; Магницкий М. Л. Православное просвещение / сост., предисл. Минакова А. Ю., имен. указ. Гришиной Е. П., коммент. Хатунцева С. В. / отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, Родная страна, 2014. 528 с.

<sup>2</sup> Письма разных лиц И. И. Дмитриеву // Русский Архив. 1866. Т. IV. Стлб. 97–98.

при Магницком этот станок был публично сожжен, а оставлено было только цензурное ведомство, которое возложило обязанность, исполняющуюся курантами, на скворцов». Когда «майор спросил, нет ли в лесу, по крайней мере, университета или хоть академии, дабы их спалить; но оказалось, что и тут Магницкий его намерения предвосхитил: университет в полном составе поверстал в линейные батальоны, а академиков заточил в дупло, где они и поднесь в летаргическом сне пребывают».

В «Войне и мире» Л. Н. Толстого (гл. 18, т. 2) Магницкий мельком упоминается как рассказчик анекдотов и французских шуточных стихов в тесном дружеском кругу сотрудников либерала М. М. Сперанского, персонажа, изображаемого Толстым, по мотивам доктринального характера, с крайней неприязнью. Эта неприязнь великого писателя распространяется и на Магницкого.

Можно констатировать, что, бесспорно, обладавший целым рядом негативных личных качеств, Магницкий еще при жизни был превращен в результате морального и литературного террора в совершенно нелепую и отталкивающую карикатуру, как, впрочем, и другие представители «русской партии» в царствование Александра I. Априори предполагалось, что все действия и высказывания консерваторов были продиктованы исключительно конъюнктурными соображениями, карьеризмом, ренегатством, невежеством, аморализмом, склонностью к ханжеству, лицемерию, приспособленчеством, догматизмом, алчностью и склонностью к воровству, сословным эгоизмом и классовым своекорыстием и т. п. Подобная резкость оценок большей частью объясняется не сколько реальными негативными качествами вышеназванных лиц, сколько политической тенденциозностью магистрального направления общественной мысли и исторической науки, в которых на протяжении значительного периода абсолютно преобладали представители либерального и радикального течений. Русский консерватизм выступал для них главным политическим противником, в борьбе против которого зачастую любые средства были хороши. В рамках левого дискурса объективный подход к изучению эволюции взглядов и логике деятельности русских консерваторов практически исключался.

Между тем консервативное направление в отечественной мысли было одним из важнейших и влиятельных, и без учета того, какую роль оно играло в политических и культурных процессах, невозможно полное и адекватное изучение русской истории, в том числе и церковной. Магницкий же был одним из весьма ярких (до экстравагантности) и по-своему оригинальных деятелей русского политического консерватизма на этапе

его зарождения. Обращение исследователя к анализу всей совокупности источников, освещающих деятельность Магницкого, существенно корректирует историографические мифы, возникшие из памфлетов и мемуаров, созданных в процессе литературной травли «православной партии» первой четверти XIX в.<sup>3</sup> Наша цель — проследить логику духовной эволюции Магницкого, которая, как представляется, была достаточно свободна от идейной беспринципности и не была продиктована исключительно конъюнктурными соображениями.

Родословная его была богатой. Михаил Магницкий был правнуком Л. Ф. Магницкого (1669–1739), автора знаменитого учебника «Арифметики», по которой обучался М. В. Ломоносов. Среди его предков был святой Нектарий (1586–1667) — монах и строитель Нило-Столобенской пустыни, архиепископ Сибирский и Тобольский<sup>4</sup>.

Его отец, Леонтий Иванович Магницкий, начал службу в 1759 г. при императрице Елизавете сержантом гвардии и дослужился до генерал-адъютанта и прокурора в камер-коллегии, с 1810 г. служил в чине действительного тайного советника прокурором московской Синодальной конторы<sup>5</sup>. В 1781 г. Магницкий, по обычаю того времени, был записан в гвардейский Преображенский полк. Образование Михаил Магницкий получил в 1790-е годы в благородном пансионе при Московском университете. На доске почета, заведенной в пансионе в 1791 г., его имя было записано золотыми буквами третьим по счету, в то время как имя знаменитого поэта В. А. Жуковского значилось там же тринадцатым. За блестящие успехи в изучении наук Магницкий получил золотую медаль из рук поэта М. М. Хераскова. Магницкий выделялся артистизмом и обаянием и был человеком «острого, высокого ума, с необыкновенно

---

<sup>3</sup> Из них наиболее важными являются: Показания Магницкого // Деятельность // Исторический сборник. М., 1872. Т. 1; Инструкция директору Казанского Университета // Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. Царствование Александра I. 1802–1825. Изд-е 2-е. СПб., 1875. Т. 1; Два мнения попечителя Казанского учебного округа, М. Л. Магницкого // Русский архив. 1864; Два доноса в 1831 году. Всеподданнейшие письма М. Магницкого императору Николаю об иллюминатах // Русская старина. 1899. № 1–3; Морозов П. Т. Мое знакомство с М. Л. Магницким. М., 1877; Лажечников И. И. Как я знал Магницкого // Русский вестник. 1866. № 1; Панаев В. И. Воспоминания // Вестник Европы. 1867. Т. 4. Кн. 12; Фортунатов Ф. Н. Памятные записки вологжанина // Русский архив. 1867. № 12.

<sup>4</sup> Успенский В. П. Пресвященный Нектарий [Теляшин], второй настоятель Ниловой Столобенской пустыни, бывший архиепископ Сибирский и Тобольский. Тверь, 1882.

<sup>5</sup> Чистович И. А. История перевода Библии на русский язык. М., 1997. С. 70.

увлекательным даром слова»<sup>6</sup>. Ко всему прочему он обладал привлекательной внешностью и светскими манерами. Обучаясь в пансионе, Магницкий писал недурные стихи, чем даже обратил на себя внимание Н. М. Карамзина, который опубликовал некоторые из них в издаваемом им альманахе «Аониды»<sup>7</sup>.

Свою карьеру Магницкий начал с воинской службы. Он поступил в гвардейский Преображенский полк в 1792 г. сержантом, в 1795 г. был послан в Польшу и в течение короткого времени дослужился до капитана (1796), после чего перешел в 1798 г. с военной службы на гражданскую в Коллегию иностранных дел, затем канцелярию вице-канцлера. В чине коллежского асессора 29 сентября 1798 г. Магницкий был направлен в канцелярию русского посольства в Вене. Так он оказался прикомандированным к фельдмаршалу А. В. Суворову для ведения его переписки.

В 1802 г. Магницкий был отправлен с русским послом в Париж<sup>8</sup>. Впоследствии он так писал об этом периоде своей жизни: «Находился секретарем посольства в Париже и в продолжении двух лет заведывал всеми делами посольства»<sup>9</sup>. Там он провел два года, занимаясь обменом пленных, составлением дипломатических бумаг в канцелярии посольства. Магницкий обращает на себя внимание Наполеона, который в то время был первым консулом Французской республики, и его супруги Жозефины, причем Бонапарт предсказывал Магницкому блестящее будущее: «Этот молодой человек далеко пойдет в своем отечестве». В Париже его называли «русским львом».

По возвращении из-за границы в Петербург в марте 1803 г. Магницкий поступил на службу начальником экспедиции департамента Министерства внутренних дел, где сблизился с М. М. Сперанским. Магницкий быстро стал своим человеком в доме реформатора. Это объяснялось прежде всего тем, что молодые люди были убежденными либералами-западниками. Если верить Магницкому, то он вернулся из Парижа «с проектом конституции и запискою о легком способе ввести ее». Проект был представлен Александру I, который по этому поводу «приказал сказать... что его (Магницкого. — А. М.) не забудет»<sup>10</sup>. Про Магницкого

---

<sup>6</sup> Лажечников И. И. Как я знал Магницкого... С. 122.

<sup>7</sup> Фортунатов Ф. Н. Памятные записки вологжанина... С. 1703.

<sup>8</sup> РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 203. Л. 9.

<sup>9</sup> ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 879. Л. 119.

<sup>10</sup> Два доноса в 1831 году. Всеподданнейшие письма М. Магницкого императору Николаю об иллюминациях // Русская старина. 1899. № 2. С. 293.

также рассказывали, что в молодости он носил вместо трости якобинскую дубинку с серебряной бляхой, на которой красовалась надпись по-французски: «*droits de l'homme*» («права человека». — А. М.)<sup>11</sup>. Известно также, что в 1810 г. он был введен Сперанским в масонскую ложу «Полярная звезда». Посредством этой ложи верховная власть хотела реформировать в своих интересах масонство. Сперанский вынашивал план унификации всех масонских лож в России и даже хотел преобразовать Православную Церковь на основе объединения наиболее образованных представителей духовенства в масонские ложи<sup>12</sup>.

Ядро ложи образовалось из сотрудников Комиссии составления законов, людей с незаурядными литературными способностями, в нее вошел и М. Л. Магницкий. Члены этой организации должны были составить новую элиту, активно формирующую общественное мнение. Великая ложа, которая их объединяла и продвигала на ответственные государственные посты, должна была «формировать и задавать идейные установки для всех масонских лож и образованного общества. Кроме того, масонству придавалось значение школы кадров для государственной системы. Единственным условием продвижения по службе должны были стать личные заслуги и способности. Этим разрушилась бы сословная структура российского общества, без широкого оповещения отмерла „Табель о рангах“, и российское общество обрело бы социальную мобильность»<sup>13</sup>. Масонские ложи, «должны были стать средством формирования „общего мнения“, цензурой для настроений и литературных произведений, карательным аппаратом, существование которого не бросит тень на „гуманное“ лицо монарха»<sup>14</sup>. Когда правительство создало особый комитет для рассмотрения масонских актов, Александр I обещал Сперанскому подписать указ о подчинении ложе «Полярная звезда» всех других масонских лож. После опалы Сперанского «Полярная звезда» прекратила свое существование.

В 1810 г. Александр I совершенно неожиданно для многих приблизил Магницкого к себе в качестве статс-секретаря департамента законов в Государственном совете с пожалованием в действительные статские советники. Он начал выполнять все военные дела «в высшем их отношении»,

---

<sup>11</sup> *Фортуатов Ф. Н.* Памятные записки вологжанина... С. 1708.

<sup>12</sup> *Серков А. И.* История русского масонства XIX века. СПб., 2000. С. 74.

<sup>13</sup> *Вишленкова Е. А.* Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века. Саратов, 2002. С. 118, 119.

<sup>14</sup> Там же. С. 120.

составлять инструкции командующим русскими армиями. Кроме того, император дал ему в марте 1811 г. «поручение образовать устройство Министерства Военного и полиции»<sup>15</sup>. Магницкий вместе с М. Б. Барклаем де Толли возглавил комиссию составления уставов и уложений для всех подразделений Военного министерства, то есть выступил в роли военного законодателя. Уставы определяют всю жизнь армии, поэтому можно утверждать, что Александр I поручил ему одно из самых важных дел, какое только мог получить высокопоставленный чиновник перед грандиозной схваткой Российской империи с одним из самых удачливых в мировой истории полководцев — Наполеоном. Магницкий смог за несколько месяцев составить все необходимые уставы и подать их на высочайшее рассмотрение.

Однако 17 марта 1812 г. Магницкий был объявлен государственным преступником и отправлен в изгнание. Причиной этому явилось падение его покровителя и друга М. М. Сперанского, при котором он одно время состоял своего рода «правой рукой» и «ревностным исполнителем его планов»<sup>16</sup>. Сперанский был обвинен в «намерении ниспровергнуть существующий порядок», в «преступных сношениях с французским правительством» и сослан Нижний Новгород. Магницкий же был отправлен в Вологду.

Четыре года провел Магницкий в Вологде под строгим надзором полиции. Все это время он был «весьма сдержан в своем поведении и переписке»<sup>17</sup>, несмотря на то, что, по его позднейшим воспоминаниям, «жена его, от жестокого климата, потеряла здоровье, а дочь умерла»<sup>18</sup>. Магницкие избегали обращаться к местным врачам, поскольку те были «опаснее самих болезней»<sup>19</sup>.

30 августа 1816 г. Магницкий получил назначение на должность воронежского вице-губернатора. Деятельность Магницкого в Воронеже способствовала искоренению, хотя бы и частичному, злоупотреблений местных властей, бессмысленного бумаготворчества, воровства и волокиты. В тот период Магницкий оставался на былых либеральных

---

<sup>15</sup> ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 879. Л. 120–120 об.

<sup>16</sup> В. К. Магницкий // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1896. Т. 35. С. 328.

<sup>17</sup> [Чумиков А. А., Чумиков А. П.] Михаил Леонтьевич Магницкий в 1812–1844 гг. // Русская старина. 1875. Т. 14. Кн. 12. С. 642.

<sup>18</sup> Показания Магницкого... Кн. 1. С. 237.

<sup>19</sup> ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 879. Л. 49.

позициях, поддерживал тесные связи со Сперанским, который в целом благожелательно оценивал его деятельность (так, весной 1818 г. он писал в одном из частных писем, что Магницкий «ведет себя как рыцарь, искоренитель всех злоупотреблений»). Воронежский период в биографии Магницкого закончился с принятием указа от 14 июня 1817 г., согласно которому он был назначен на должность гражданского губернатора в Симбирск.

Именно в Симбирске впервые Магницкий предстал русскому обществу в качестве «мракобеса» и реакционера. Так, открытие в Симбирске отделения Библейского общества сопровождалось тем, что он якобы «стал жечь на площади сочинения Вольтера и других подобных писателей XVIII века»<sup>20</sup>. Он вел переписку со Сперанским, которая ярко свидетельствует о чтении им мистической литературы, журнала «Сионский вестник», ведущего органа протестантского и масонского мистицизма того времени. Сперанский так пишет об изменениях в мировоззрении Магницкого: «Кто бы поверил тому лет десять? Это однако же верно, и всё, что он говорит, он точно живо чувствует. Набожность его искренна, и тут нет ни малейшего соображения светского»<sup>21</sup>. Можно утверждать, зная дальнейшую эволюцию взглядов Магницкого, что духовный поворот к мистицизму был достаточно глубоким и искренним, хотя враждебно настроенные к нему мемуаристы объясняли резкое изменение его образа жизни исключительно карьеристскими побуждениями: «Будучи блестящим светским человеком, весьма остроумным и насмешливым, напитанным философией XVIII столетия, — писал, к примеру, В. И. Панаев, — вдруг делается он жарким фанатиком; ездит по церквам, беседует с духовными лицами, посещает чаще обыкновенного больницы, тюрьмы (что император обыкновенно делал в своих вояжах); <...> выходит из кареты, несмотря на грязь и холод, чтобы принять благословение бегавшего по симбирским улицам так называемого Блаженного...»<sup>22</sup>. А. И. Михайловский-Данилевский писал по этому поводу следующее: «по возвращении из ссылки увидели в нем такового поборника ханжества и самодержавной власти, каковых представляют средние века в некоторых фанатических монахах»<sup>23</sup>.

---

<sup>20</sup> Греч Н. И. Записки о моей жизни. М., 1990. С. 218–219.

<sup>21</sup> Русский Архив. 1870. Стлб. 1150.

<sup>22</sup> Панаев В. И. Воспоминания... С. 74.

<sup>23</sup> А. И. Михайловский-Данилевский. Из воспоминаний // Русский вестник. 1890. Т. 210. № 9. С. 168.



С 1819 г. Магницкий начинает присутствовать на всех Генеральных собраниях Библейского общества в Петербурге. Происходит его сближение с А. Н. Голицыным, обер-прокурором Святейшего Синода, который способствовал в начале 1819 г. его возвращению Петербург<sup>24</sup>. Не без его содействия Магницкий получил от Александра I предложение стать членом Главного правления училищ, созданного при Министерстве духовных дел и народного просвещения, в феврале того же года — осуществить проверку деятельности созданного в 1805 г. Казанского университета, который находился недалеко от Симбирска.

Тем самым, ему предстояло сыграть одну из ключевых ролей в наметившемся консервативном повороте в политике Российской империи первой половины 20-х гг. XIX в. Магницкий стал одним из основных идеологов и практиков этого консервативного поворота.

Причины быстро распространявшихся, как лесной пожар, либеральных, атеистических и революционных идей Магницкий усматривал в почти открытой их проповеди с университетских кафедр и со страниц университетских пособий: «правительство наказывает молодых людей за то, что они выучились тому, чему их так усердно учили, — говорил он. — В самом деле, не преподается ли открыто, что Французская революция была благодетельным явлением»<sup>25</sup>.

В России западноевропейский опыт, считал Магницкий, может оказаться особенно опасным: «Мы заимствовали просвещение от земель иностранных, не приспособив его к нашему положению (*не обрусив*), и сверх того в самую неблагоприятную минуту, в XVII-м и начале XVIII-го столетия, то есть во время опасной его заразы, — писал он. — Мы пересадили ядовитое растение сие в наш холод, где оно вредит медленно, ибо *растет худо* (курсив Магницкого. — А. М.). По счастью, равнодушие к нему управляющих и национальная лень наших ученых остановили его на одной точке»<sup>26</sup>.

Выход для России виделся Магницкому в том, чтобы поставить систему образования таким образом, чтобы она соответствовала национальным особенностям: «Россия имеет особенный характер, — утверждал он. — Следовательно, и просвещение ее должно быть соображено с теми отличительными ее свойствами; ибо, иначе, всякое его противодействие

---

<sup>24</sup> Вишленкова Е. А. Ревизор, или случай университетской проверки 1819 года... С. 32.

<sup>25</sup> Морозов П. Т. Мое знакомство с М. Л. Магницким... С. 19.

<sup>26</sup> Показания Магницкого... С. 243.

непрерывно произведет вредное потрясение, сперва нравственное, потом гражданское и наконец политическое»<sup>27</sup>.

Под давлением консервативных кругов в 1817 г. был поставлен вопрос о ликвидации практически всех существовавших университетов. Закрывать их всё же не стали, но повели дело к их серьезной реорганизации в духе идей Священного Союза. «Постоянною темою совещаний главного правления училищ было водворение в общественном воспитании начала веры и монархизма, торжество Откровения и покорности властям над порывами разума и воли, предоставленных самим себе и неподчиненных никакому авторитету, — писал по этому поводу историк русской науки и просвещения М. И. Сухомлинов. — Соединение веры и знания провозглашено было целью умственного развития, но под соединением понимали не равноправный союз двух начал, а полное господство одного над другим. Отвергая свободу научного исследования и увлекаясь крайнею нетерпимостью, отрицали построение науки на независимых основаниях, и научный элемент даже в сфере богословия считали несовместным с идеею чистой, неиспытующей веры»<sup>28</sup>. Магницкий же шел дальше всех и был убежден в том, что вообще необходимо «создать новую науку и новое искусство, вполне проникнутые духом Христовым, взамен ложной науки, возникшей под влиянием язычества и безверия»<sup>29</sup>.

Первый удар обрушился на Казанский университет в 1819 г., вследствие полученных А. Н. Голицыным донесений «о крайне запущенном состоянии» этого учебного заведения. Опираясь на эти сведения, министр просвещения поручил Магницкому провести тщательнейшую ревизию этого заведения.

Ревизия Казанского университета, осуществленная Магницким, обычно интерпретировалась в отечественной историографии исключительно как «погром», как одна из самых зловещих мер александровской политики того времени. Миф о погроме явился одним из важнейших элементов, на которых держалась историографическая конструкция «реакционного поворота 1820-х гг.», в которой казанская ревизия приобрела характер важнейшего, знакового события, ключевого для внутренней политики этого периода, став своего рода символом мракобесия, обскурантизма и крайней реакции. Историки и публицисты обвиняли Магницкого

---

<sup>27</sup> Там же.

<sup>28</sup> Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению... Т. 1. С. 159–169.

<sup>29</sup> Морозов П. Т. Мое знакомство с М. Л. Магницким... С. 19.

в невежестве, незнании особенностей университетской жизни, предвзятости, карьеризме, интриганстве. Утверждалось, что сроки, в которые была проведена ревизия, были чрезмерно краткими для того, чтобы выявить объективную картину состояния Казанского университета. Подразумевалось, что ревизия была вызвана политическими, а не академическими мотивами, тем более не какими-либо вопиющими злоупотреблениями, поскольку университет был заведомо вне подозрений в силу того, что являлся «заповедником» свободы и прогресса. Общим местом стало утверждение об изгнании Магницким из университета 11 лучших профессоров из 25 с последующей их заменой на благонадежных гимназических учителей — людей, заведомо недостойных, интриганов и льстецов, пресмыкающихся перед новым попечителем.

Утверждения эти, сформулированные в 60-е гг. XIX в. преимущественно либеральными мемуаристами, публицистами и историками, повторяются из исследования в исследование, создавая иллюзию исчерпанности темы. Однако обращение к самим материалам ревизии позволяет существенно уточнить картину<sup>30</sup>.

Так, в отчете о ревизии почти не прослеживаются консервативные политические мотивы, которыми Магницкий, по утверждению либеральных историков, руководствовался в огромной степени. В этом документе совершенно очевидно на 9/10 преобладают мотивы академического свойства (качество преподавания и пр.), стремление проверить финансовое состояние университета, его административно-хозяйственной части и пр.

Итоговый текст отчета о ревизии рисует несомненные вопиющие недостатки, злоупотребления и должностные преступления в деятельности Казанского университета. Речь шла о воровстве очень значительных сумм из университетского бюджета, огромных по тем временам расходов на обучение с минимальной отдачей, липовой отчетности, фальсификациях экзаменов, сомнительном уровне квалификации значительной части преподавателей и профессуры и их не менее сомнительном моральном уровне, разваливающихся учебных корпусах, злоупотреблениях в использовании имеющихся площадей, когда студенты вынуждены были ютиться в грязных помещениях, в антисанитарных условиях, при неисправных противопожарных средствах; закупке дров, свечей и провианта по завышенным ценам у «своих» подрядчиков.

---

<sup>30</sup> РГИА. Ф. 733. Санкт-Петербургский учебный округ. Оп. 39. Д. 259. Дела о ревизии Казанского университета М. Л. Магницким и проведенных реакционных предприятиях. Л. 14–53.

Как видим, причин вполне академического характера для жесткой критики университета было более чем достаточно. Меры, предложенные Магницким, не носили реакционного характера. Можно дискутировать о степени их приемлемости в тех исторических условиях, но они явно исключают те крайне негативные характеристики, которые для них использовались.

Так, масштабы антилиберальной чистки «лучших профессоров» явно преувеличены в литературе. Увольнения происходили прежде всего по причине преклонного возраста, низкой квалификации, пристрастия к алкоголю и т. д. По идейным мотивам был уволен лишь один профессор И. Е. Срезневский, преподававший философию<sup>31</sup>.

Если говорить о ревизии как об акте политической реакции, то в ее материалах есть лишь отдельные акценты, которые можно интерпретировать как консервативные. Такого рода мотивы прослеживаются тогда, когда Магницкий отмечает отсутствие в учебных программах Закона Божия (что противоречило общему курсу Министерства духовных дел и народного просвещения), невежество студентов в знании этой дисциплины, дух деизма, свойственный студенческой массе, выдвигает претензии к преподаванию философии (при этом его обвинения сводились к тому, что профессор философии «руководствуется духом не весьма полезным и, по счастью, преподает лекции свои так дурно, что их никто не понимает»). Кроме того, в отчете имеется несколько выпадов против преподавания философии (просветительской, рационалистической, материалистической): «без всякого сомнения все правительства обратят особенное внимание на общую систему их учебного просвещения, которое, сбросив скромное покрывало философии, стоит уже посреди Европы с поднятым кинжалом».

В июне 1819 г. Магницкий был назначен попечителем Казанского учебного округа и получил инструкцию, которая предписывала ему ввести в университете преподавание «богопознания и христианского учения, определив для этого наставника из духовных», уволить некоторых профессоров от занимаемых должностей и т. д.<sup>32</sup>

Меры нового попечителя преследовали одну цель: пересоздать русские университеты и всю систему общественного воспитания в России. Принципы, на которых должна была осуществиться эта радикальная

---

<sup>31</sup> Вишленкова Е. А. Ревизор, или случай университетской проверки 1819 года... С. 29.

<sup>32</sup> Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения (1802–1902). СПб., 1902. С. 119.

реформа, были изложены Магницким в инструкции директору Казанского университета от 17 января 1820 г. Она определяла дух и направление, которому обязаны были следовать в преподавании различных дисциплин ученые университета. Главной целью университетского образования инструкция объявляла воспитание «верных сынов Православной Церкви, верных подданных Государю, добрых и полезных граждан Отечеству». Для этого, прежде всего, требовалось сформировать в студентах «первую добродетель гражданина»: покорность и послушание. Для этого студенты обязаны были ежедневно «отправлять в положенное время должные молитвы и в присутствии инспектора», а в воскресные дни и в дни церковных праздников ходить с инспектором к Божественной литургии, приучаться «к делам милосердия небольшими, по состоянию каждого, милостынями, посещением больных товарищей в праздничные дни, и тому подобного». Причем студенты, «отличающиеся Христианскими добродетелями», должны были предпочитаться всем прочим и руководство университета обязано было принять их «под особенное покровительство по службе и доставить им все возможные по оной преимущества». Директор университета обязан был наблюдать, чтобы студенты «постоянно видели вокруг себя примеры строжайшего чинопочитания со стороны учителей и надзирателей». Он должен был «иметь достовернейшие сведения о духе университетских преподавателей, часто присутствовать на их лекциях, по временам рассматривать тетради студентов, наблюдать, чтобы не прошло что-нибудь вредное в цензуре», чтобы «дух вольнодумства ни открыто, ни скрытно не мог ослаблять учение Церкви в преподавании наук философских, исторических или литературы». Ему вменялись в обязанность «выбор честных и богобоязненных надзирателей», а также «сообщение с полициею для узнавания поведения их вне университета, запрещение вредных чтений и разговоров», а также «предупреждение всех тех пороков, коим подвергается юношество в публичном воспитании».

В основе преподавания всех наук «должен быть один дух Святого Евангелия». В университете вводилось богословское отделение, профессор которого обязан был преподавать библейскую и церковную историю. В преподавании философии основополагающим становился следующий принцип: «все то, что не согласно с разумом Священного Писания, есть заблуждение и ложь, и без всякой пощады должно быть отвергаемо, <...> только те теории философские основательны и справедливы, кои могут быть соглашаемы с учением Евангельским: ибо истина едина,

а бесчисленны заблуждения». Основанием философии должны служить Послания апостола Павла к Колоссянам и к Тимофею, в которых призывалось уклоняться от «басен», «скверных суесловий», «словопрений лжеименного разума» и «учений бесовских». Начала политических наук преподаватели должны извлекать из Моисея, Давида, Соломона, отчасти из Платона и Аристотеля, «с отвращением указывая на правила Макиавеля и Гоба (Макиавелли и Гоббса. — А. М.)», в силу безнравственности последних. Преподавание политического права должно было показать, что «правление Монархическое есть древнейшее и установлено самим Богом, что священная власть Монархов в законном наследии и в тех пределах, кои возрасту и духу каждого народа свойственны, нисходит от Бога, и законодательство, в сем порядке устанавливаемое, есть выражение воли Вышнего».

Профессора физики, естественной истории и астрономии, согласно инструкции, обязаны «указать на премудрость Божию и ограниченность наших чувств и орудий для познания непрестанно окружающих нас чудес», а также показать, что «обширное царство природы, как ни представляется оно, премудро и в своем целом для нас непостижимо, есть только слабый отпечаток того высшего порядка, которому, после кратковременной жизни, мы предопределены», указать «на тверди небесной пламенными буквами начертанную премудрость Творца и дивные законы тел небесных, откровенные роду человеческому в отдаленнейшей древности».

Студенты медицинского факультета должны были быть предостережены своими профессорами от ослепления, «которому многие из знатнейших медиков подверглись, от удивления превосходству органов и законов животного тела нашего, впадая в гибельный материализм». Им должно быть внушено, что «Святое Писание нераздельно полагает искусство врачевания, без духа Христианской любви и милосердия, есть ремесло, само по себе, особливо, когда отправляется для одной корысти, <...> низкое».

В лекциях по словесности на первом плане должна быть Библия, разбор «красот языка Славянского», а также «образцовых творений» Ломоносова, Державина, Богдановича и Хемницера, с тем, чтобы отвергать всё, что «введено в язык произволом и смелостью», как «неклассическое и недостойное подражания». В курсе древних языков необходимо знакомить слушателей преимущественно с творениями христианских писателей: святых Иоанна Златоуста, Григория Назианзина, Василия

и Афанасия Великих. При изложении арабской и персидской литературы преподаватель не должен «вдаваться излишне во все, что собственно принадлежит к их религии, к преданиям Магомета и первых учеников его», а «ограничиться преподаванием языков арабского и персидского в том единственно отношении, в котором они по торговым и политическим связям для России могут быть полезны».

В курсе истории профессор обязан прежде всего проследить роль христианства и христианской Церкви, показать, что «Отечество наше в истинном просвещении упредило многие современные государства, и докажет сие распоряжениями по части учебной и духовной Владимира Мономаха». Кроме того, он должен «распространиться о славе, которою Отечество наше обязано Августейшему дому Романовых, о добродетелях и патриотизме его родоначальника и достопримечательных происшествиях настоящего царствования»<sup>33</sup>.

Изменения коснулись и студенческой жизни, причем, по словам М. И. Сухомлинова, «университет принимал вид духовного, даже монашеского учреждения, <...> и преобразователи его старались уничтожить все признаки и особенности светского учебного заведения»<sup>34</sup>. Все студенты были распределены не по курсам, а по степени «нравственного содержания». К первому разряду относились «отличные», «весьма хорошие» и «хорошие» студенты, ко второму — «испытываемые», «посредственные» и «исправляемые» и, наконец, «находящиеся под особым присмотром». Студенты, принадлежащие к каждому из этих разрядов, располагались на разных этажах (по сложившемуся в то время обычаю значительная часть студентов жила в самом высшем учебном заведении) и собирались вместе только на лекциях. Но и здесь принимались меры для того, чтобы предотвратить какое бы то ни было общение между ними. Надзор за студентами доходил до такой степени, что не только посещать знакомых, но и переходить с одного этажа на другой запрещалось без билета от инспектора. Надзиратели обязаны были водить студентов из одной комнаты в другую, осматривать волосы, платья, кровати. Посторонние лица могли посещать университет только в праздники, да и то под непосредственным наблюдением

---

<sup>33</sup> Все цитаты из инструкции Магницкого даны по следующему изданию: Сборник постановлений по Министерству Народного просвещения. Царствование Александра I. 1802–1825. Изд-е 2-е. СПб., 1864. Т. 1. Стб. 1317–1337.

<sup>34</sup> Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению... Т. 1. С. 222–223.

надзирателя. Такая атмосфера неизбежно порождала практику доносительства студентов друг на друга и на присматривающее за ними начальство. За все нарушения заведенных правил студенты подвергались наказаниям, перечень которых был весьма обширен. Это могло быть лишение пищи на несколько дней, заключение в карцер, или в «комнату уединения», где двери и окна были загорожены железными решетками, на одной из стен висело Распятие, а на другой картина Страшного Суда. Попадавшие в карцер получали название «грешников», и пока они находились в заключении, за спасение их душ произносились молитвы. Во время попечительства Магницкого в Казанском университете стала практиковаться такая мера, как отправка студентов в солдаты без суда и следствия, ей подверглись двое студентов за «неумеренное употребление крепких напитков».

Между тем очевидно, что принудительное насаждение дисциплины и религиозности не могло не вызвать определенных негативных последствий. М. И. Сухомлинов по этому поводу отмечал: «Религиозность ограничивалась иногда одною только внешностью, и за набожною обстановкою скрывались недостойные религии свойства: лицемерие, раболепство, отсутствие убеждений и нравственных начал. У некоторых из лиц, игравших роль в событиях Казанского университета, пиэтизм был маскою, надетою по необходимости и расчету, в угоду сильным мира»<sup>35</sup>.

Большинство авторов самых различных идейных направлений сходятся в том, что в попечительство Магницкого ученая жизнь в Казанском университете не развивалась. Справедливости ради стоит отметить, что примерно такая же ситуация существовала в Казанском университете и до попечительства Магницкого. В первую треть XIX в. русская наука переживала стадию становления и лишь в более поздний период стала приносить зрелые плоды.

Свои итоговые взгляды на основные принципы образования и воспитания Магницкий выразил в «записке о народном воспитании», которую он отправил 7 ноября 1823 г. Александру I<sup>36</sup>. Начиналось это «собственноручное всеподданнейшее письмо» в характерной для Магницкого манере: «сей плод моего усердия к Церкви и Царю, в обыкновенном служебном порядке не вмещающийся, куда понесу, Государь, ежели не к ногам Вашим?».

---

<sup>35</sup> Там же. С. 223.

<sup>36</sup> Сборник исторических материалов, извлеченных из архивов I Отделения с. е. и. в. к. СПб., 1876. Вып. 1. С. 363. Далее все ссылки идут по этому изданию: С. 363–374.



В этой записке Магницкий предлагал царю проект создания целостной системы «народного воспитания», которой, по его словам, покуда еще нет ни в одном из существующих христианских государств: «самоважнейшая часть управления как бы брошена везде на произвол исполнителей, и ежели получила некоторое устройство, то как бы случайно и от обстоятельств». Напротив же, «люди злонамеренные» (в их число Магницкий относил Талейрана, Наполеона и Вейсгаупта) целенаправленно «занились составлением полной системы народного воспитания». Это привело к тому, что «большая часть лучших учителей», которые должны учить наследника престола, «заражены опаснейшими началами неверия идей возмутительных». Мало того: «Нет книги, по которой бы безопасно можно было учить его истории всеобщей и Российской. Нет курса прав, который можно было преподавать царевичу Российскому в истинном его смысле. Нет истории систем философских, которая бы не развратила мыслей».

Созданная антихристианская система народного воспитания является плодом реализации «правильного, обширного и давно втайне укоренившегося плана и заговора». Судя по некоторым деталям, Магницкий имеет в виду прежде всего масонство, но прямо не говорит об этом, предпочитая возлагать ответственность за происходящее в мире зло прежде всего на «князя тьмы века сего».

В записке содержится религиозно-философская трактовка Магницким тех процессов, которые происходят в мире, и таких характерных явлений нового времени как «общественное мнение», «свобода книгопечатания», «конституции». В его изображении всё вышеперечисленное есть не что иное, как порождение дьявольских сил: «Князь тьмы века сего производит большую часть влияний своих на мир и миродержителей гражданских чрез общее мнение, которое есть как бы труба, кою он, как в древности оракулы, произносит свои заключения, суды и приговоры, сеет лжи и клеветы, распространяет нелепые предсказания и нечестивые понятия. У большей части народов, и в том числе у нас, гул сей, совершенно вопреки истине, почитается гласом Божиим (*глас народа — глас Божий*). В конституциях, сем неистовом порождении бунта народного, главным их основанием положена *свобода книгопечатания*, или, что одно и то же, беспрепятственное волнение и *необузданность мнения общественного*, т. е. труба для глаголов князя тьмы, как можно более широкая, громкая и всегда отверзтая; а как он знает, что доброе воспитание народное, улучшая сердце и образ мыслей падшего человека, составить может и общее мнение доброе, т. е. из трубы,

для него нужной, может сделать проток благодати не только на поколение настоящее, но и на будущие; то он, отвлекая всеми способами внимание правительств и людей благонамеренных от сего важного предмета, указывает его одним своим чадам и последователям, как рычаг, которым можно потрясти весь мир гражданский».

Магницкий явно переходил за границы дозволенного, когда утверждал, что предлагаемые им планы можно осуществить лишь вопреки «духу времени», которым ранее руководствовался Александр I: «Духу времени сие не понравится, но если бы вы знали, кто этот дух времени, которому вы служите, то старались бы не делать ему угодного». Подобного рода напоминания о былых либеральных увлечениях не могли не вызвать у монарха сильное раздражение.

В обоснование вышеизложенного Магницкий ссылается на революционные события, которые прокатились по Европе в 1820–1821 гг.: «единомыслие разрушительных учений в Мадриде, Турине, Париже, Вене, Берлине и Петербурге не может быть случайным».

Исходя из своего видения общеевропейских процессов, в которых главную роль играют некие темные силы, Магницкий предлагал Александру воспользоваться тактикой и указаниями врагов монархии и христианства, поскольку «из них же можно, как кажется, почерпнуть и противудие, как то делается в медицине, когда кровью бешеной собаки исцеляется ее укушение», то есть составить на определенных началах план «народного воспитания», который бы охватывал все учебные заведения Российской империи.

В качестве «основного начала» народного воспитания Магницкий называл православие. На мистической стороне православия Магницкий не заостряет внимание. Оно интересует его главным образом с точки зрения политической, как учение, освящающее царскую власть: «Верный сын Церкви Православной, единой истинной веры Христовой, знает, что всякая власть от Бога, и посему почитает он всех владык земных, Нерона и Калигулу; но истинным помазанником, Христом Божиим, не может признавать никого, кроме помазанного на царство Церковью Православною. Итак мы одни, по слову Оригена, исповедуем обе религии: и первого и второго величества. У нас одних корона самодержавия лежит на алтаре Божиим, неприкосновенна для рук черни, но приемлется в таинственном священнодействии, из рук Церкви. Над нею крест, над державою крест, над скиптром крест. Тут нет ничего человеческого. Нашего Государя мы открыто во всяком училище отечества нашего

называем и должны называть помазанником Божиим, и все знают и веруют, что это правда. Пусть скажут сие в училищах Пруссии, Нидерландов, Англии о их государях, там рассмеются».

Высказывания Магницкого о православии явно отражали позицию тех церковных кругов, которые были недовольны «петровской революцией». Так, поминая недобрым словом «Лефортов и Биронов», он утверждал, что «дух времени» «более ста уже лет» нападает на православие: «Пусть заглянут в акты Синода и тайной канцелярии от начала 18 столетия до конца его и между прочим в дела о Феофилакте, епископе Тверском, и члене Синода Арсение». Однако, несмотря на то, что православие оказалось ослабленным борьбой с «духом века сего», оно остается единственной верой истинной, «в которой слово Божие не только сохранено во всей чистоте непрерывной иерархией Апостольской; но и засвидетельствовано, подписано кровью мучеников всех веков прошедших и даже ежедневных» (Магницкий ссылаясь на то, что в Греции был напечатан мартиролог, в котором перечислялись сотни современных мучеников за веру, погибших от рук турок).

Понимаемое таким образом православие теснейшим образом связано с самодержавием. Без первого невозможно второе. Более того, «самодержавие вне православия есть одно насилие», утверждал Магницкий. Православие и самодержавие, таким образом, «два священных столпа, на которых стоит империя». Но эти начала русской жизни, «хотя еще не поколебались, но уже ослаблены». Для их восстановления необходимо распространить на все учебные округа империи действие знаменитой инструкции от 17 января 1820 г. для Казанского университета, которую мы анализировали выше: «Ежели сие признано полезным в 16 губерниях сего округа, почему не сделать того же в прочих?»

Какую роль в общественном воспитании в идеале должно было играть православное духовенство и как критически оценивал эту роль в современной русской действительности Магницкий, видно из документа, в котором он описывал пьянство в среде воспитанников Петербургской духовной семинарии: «семинаристы <...> идут ночью в кабаки; куда впускаются заднюю дверь, пьют, закупают запас вина, для товарищей, и приносят его в семинарию». Затем происходил «дележ принесенного вина, из больших суповых чаш, разливными ложками»<sup>37</sup>. Последствия этого развлечения для семинаристов бывают самыми плачевными: «часто с 11-ти лет,

---

<sup>37</sup> ГАРФ. Ф. 109. С.А. Оп. 3. Д. 880. Л. 131–131 об.

крепостию, столь несвойственного самой слабости их органов напитка растрачивают навсегда телесные и душевные силы свои, впадают между собою в самые гнусные и даже противоестественные нечистоты»<sup>38</sup>.

Между тем, по окончании семинарии они должны поступать в Духовную академию, а оттуда — в священники, монахи, и «прямо в архимандриты»<sup>39</sup>. Такое положение было не только в Петербурге, но и в других местах. По мнению Магницкого, «Духовенство наше заражается тем грубым развратом, который служит, от людей, смешивающих Церковь с недостойными ее служителями, ей нареканием, а усердным сынам ее — постоянным предметом сердечного сокрушения»<sup>40</sup>. Для Магницкого, выступавшего с позиций всецелого «охранения нравственности народной», подобная ситуация была абсолютно недопустима: «благочестие и добрая жизнь лиц духовных нигде не служит так непосредственно основанием добродетели народной, как у нас, по свидетельству самой религии нашей (курсив Магницкого. — А. М.), и посему нигде разврат духовенства не может быть так вреден и для Церкви, и для государства»<sup>41</sup>. Поэтому истоки страшного зла, поражающего Русскую землю, «суть наши семинарии», в особенности Петербургская, которая «есть гнездо самого грубого разврата и гнуснейших пороков»<sup>42</sup>. Рецепт, предлагаемый Магницким для спасения народной нравственности, был прост: «Правительство может начать обнаружение сего зла, или приступит к сему делу, поимкою семинаристов на самом преступлении. Они сами расскажут всё прочее»<sup>43</sup>.

5 августа 1823 г. Магницкий отсылает царю «Мнение русского дворянина о гражданском уложении для России»<sup>44</sup>. В нем содержалось предложение создать «уложение истинно Русское». Тогдашнее российское законодательство не устраивало Магницкого потому, что было результатом заимствования западноевропейского юридического опыта. Последний же, считал он, возник на основе чуждых начал: языческого римского права и церковного католического права, а потому был неприменим

---

<sup>38</sup> Там же. Л. 132.

<sup>39</sup> Там же. Л. 132 об.

<sup>40</sup> Там же. Л. 136 об.

<sup>41</sup> Там же. Л. 136.

<sup>42</sup> Там же. Л. 136 об.

<sup>43</sup> Там же. Л. 133.

<sup>44</sup> Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (с 1807–1829 год). СПб., 1883. С. 369–374.

к русским условиям<sup>45</sup>. Магницкий предлагал взять за основу нового уложения «византийское право». В его трактовке это было право, «соединенное с правом каноническим Греческой Церкви, совершенно очищенное от всех языческих примесей, то право византийское, которое и ученые наши, и новейшие законодатели отвергали так, как будто оно никогда не существовало». Между тем, настаивал Магницкий, «оно одно есть истинное наследие наше после Греческой империи»<sup>46</sup> и развивалось в России в течение нескольких веков, вплоть до Соборного уложения царя Алексея Михайловича. Затем «златая цепь нашего отечественного законодательства» была порвана так, что даже «следа ее ни в законодательстве, ни в правоведении нашем не осталось»<sup>47</sup>. Магницкий риторически вопрошал: «Не входило ли в систему неверия отвести нас от законодательства отцов наших, непрестанно освящаемого верою и Божественными Писаниями, дабы, не отвергая прямо, сгладить неприметно ту печать самодержавия, которая все древние наши законы знаменует?». Для исправления положения он предлагал создать особую комиссию, которая бы занялась систематическим сбором существующих законов, и особый комитет, который «занялся бы историческим обозрением права византийского всего нашего законодательства, в добром духе», то есть где было бы «все согласное с православием, все приличное самодержавной власти, обычаем и духу народа нашего собственного», «на духе нашего вероисповедания и на праве каноническом Греко-Российской Церкви утвержденное». По мнению Магницкого, создание подобного «Русского уложения» воочию продемонстрировало бы намерение «воскресить действительные наши права» на наследие «Империи Греческой»<sup>48</sup>. Вероятно, Магницкий интуитивно, или же с подачи церковных кругов, уловил ту близкую им идею, что Россия унаследовала комплекс религиозных, культурных и юридических ценностей прежде всего от Византии. Отметим также, что некоторые положения «Мнения» Магницкого пересекались с содержанием карамзинской «Записки о древней и новой России» (в частности, с требованием создания «русского права» на основе собственной правовой традиции).

Еще одной сферой деятельности, в которой Магницкий проявил свою кипучую энергию, была работа в Комитете по составлению цензурного

---

<sup>45</sup> Там же. С. 370–371.

<sup>46</sup> Там же. С. 371.

<sup>47</sup> Там же. С. 373.

<sup>48</sup> Там же. С. 374.

устава в 1820–1823 гг. Либеральный устав о цензуре 1804 г. к двадцатым годам XIX в. был признан несовершеннолетним. Руководителем работы по составлению нового цензурного устава стал Магницкий, изложивший предварительно свое «Мнение о цензуре вообще и началах, на которых предполагает цензурный комитет составить для оной устав». Согласно этому проекту, запрету подвергались все произведения, которые прямо или косвенно отвергали или подвергали сомнению учение Священного Писания и Евангельского Откровения. Также запрещались сочинения, содержавшие в себе «какой-либо дух сектантства или смешивающее чистое учение веры евангельской с древними подложными учениями, либо с так называемой естественной магией, кабалистикой и масонством»<sup>49</sup>. Не разрешалось также публиковать «все те сочинения, в коих своеволие разума человеческого пытается изъяснить и доказать философией недоступные для него святые таинства веры»<sup>50</sup>. Наконец, в проекте рекомендовалось запрещать те произведения, которые хоть малейшим образом ослабляют или подрывают авторитет существующей власти. Этот проект Магницкого оставил свой след в анналах истории, поскольку впоследствии, уже в царствование Николая I, некоторые его ключевые идеи легли в основу предельно сурового, так называемого чугунного, цензурного устава 1826 г.

В 1823 г. произошло знакомство знаменитого архимандрита Фотия (Спасского) с Магницким, который к тому времени окончательно утвердился в православии. Современники объясняли логику поведения Магницкого исключительно карьеристскими и конъюнктурными мотивами. В частности, его обвиняли в предательстве его бывшего покровителя А. Н. Голицына, объясняя это тем, что он, поддерживая Аракчеева, рассчитывал занять пост министра народного просвещения<sup>51</sup>. Архим. Фотий (Спасский) в своих записках совсем иначе объяснял мотивы поведения Магницкого: «М. Л. Магницкий, так как был в курсе многих дел зловерия, многие вещи раскрывал важные. Он был предан православию и делал внушения графу А. А. Аракчееву против врагов веры»<sup>52</sup>. Свое кредо Магницкий выразил в письме от 7 апреля 1824 г. Александру I: «коренное

---

<sup>49</sup> Цит. по: *Сухомлинов М. И.* Исследования и статьи по русской литературе и просвещению... Т. 1. С. 469.

<sup>50</sup> Там же. С. 468.

<sup>51</sup> *Панаев В. И.* Воспоминания... С. 84.

<sup>52</sup> Автобиография Юрьевского архимандрита Фотия // *Русская старина.* 1896. Июль. С. 177–180.

средство к истреблению <...> тайных обществ (имеются в виду прежде всего масонские ложи, прямо или опосредованно связанные с разного рода мистиками, некоторыми инославными конфессиями и так называемыми декабристами. — А. М.) <...> есть одно: возвысить, утвердить, приблизить к Державной власти Православную Церковь, непрестанно боримую; ограничить терпимость, ее гонящую...»<sup>53</sup>.

В 1823 г. деятели «православной дружины» (среди них наиболее известны архимандрит Фотий (Спасский), А. С. Шишков, митрополит Серафим (Глаголевский)), ведущие борьбу против масонства и западноевропейского мистицизма, широко распространившихся в царствование Александра I, перешли в наступление на «мистическую партию» А. Н. Голицына, воспользовавшись в первую очередь так называемым делом Госснера. Пастор И.-Е. Госснер, эмигрировавший в Россию из Германии в результате религиозных гонений, был активным деятелем Библейского общества, вызывавшим особенное отторжение у православной оппозиции. Его книга «Дух жизни и учения Иисуса Христа, в размышлениях и замечаниях о всем Новом Завете», вышедшая в русском переводе без заглавного листа, называлась: «О Евангелии от Матфея». Она была пропущена цензурой в мае 1823 г. В ней пастор высмеивал обряды как Католической, так и Православной Церкви, объявлял их греховными, критиковал духовенство, как посредника между Богом и человеком. При этом в книге содержались фрагменты, которые легко можно было истолковать как открытый призыв к христианам не повиноваться властям, преследующим «истинных» христиан. Подобная книга была исключительно удобна для критики со стороны православной оппозиции, и последняя не замедлила воспользоваться предоставившейся ей возможностью. Дело в том, что книгу предложил перевести с немецкого Голицын, и он же пропустил ее в печать.

В марте 1824 г. листы книги Госснера по инициативе Магницкого были выкрадены из типографии и переданы митрополиту Серафиму, написавшему опровержение на нее. Приложив около тридцати листов из книги, он послал опровержение императору.

После этого Магницкий и его единомышленники упросили митрополита Серафима нанести визит во дворец и лично представить Александру I, какая опасность угрожает Церкви от издания и распространения этой

---

<sup>53</sup> Из: «Записки о тайных обществах, полученная от Магницкого М. Л. в 1824 г. (об иллюминатах, об-ве Иоахима, о распространении немецкой философии. 1824)». ГАРФ. Ф. 1165. Особенная канцелярия министерства внутренних дел. Оп. 3. Д. 59. 1824. Л. 45–45 об.

книги. «Для этого нарочно было избрано необыкновенное время — шесть часов вечера, чтобы необычайностью самого посещения встревожить Императора. Митрополит упал к ногам его и требовал удаления князя Голицына, которого управление, по его словам, колеблет Церковь Православную. Такая сцена не могла не подействовать. Государь старался успокоить митрополита, сказал, что обратит внимание на его жалобу и, если найдет действия министра ошибочными, устранил от управления вверенными ему частями. Впрочем, подробности этого разговора, за кончиною всех действующих лиц, останутся навсегда неизвестными. Магницкий, вслед за митрополитом, отправился на Адмиралтейский бульвар, а оттуда прошел к подъезду Государя — где уже столпилось довольно народу, привлеченного каретою митрополита — с тем, чтобы видеть, с каким лицом выйдет он из дворца, веселым или печальным? Удостоверившись же, по довольному выражению лица владыки, что дело идет хорошо, он поспешил в Невский монастырь поздравить его с успехом». Рассказ этот, записанный со слухов Гречем, как считает И. Е. Чистович, неоспорим в одном: «факт жалобы м. Серафима на кн. Голицына, лично принесенной Государю, не подлежит сомнению».

Акция возымела действие. Рассмотрение книги Госснера было поручено президенту Российской академии А. С. Шишкову, а переводчик, цензор и содержатель типографии Н. И. Греч отданы под суд, Госснер же выслан за границу.

15 мая 1824 г. А. Н. Голицын был отправлен в отставку. Новым министром просвещения был назначен отличавшийся православно-консервативными взглядами А. С. Шишков.

Судьба Магницкого резко изменилась после смерти Александра I. В начале 1826 г. Николай I назначил ревизию Казанского университета. Что послужило поводом для нее, до сих пор остается неясным. Известно лишь, что она была начата в феврале 1826 г. и длилась целый месяц. Ревизоры обнаружили растраты Магницким казенных денег, которые в конечном счете оказались незначительными<sup>54</sup>. Так или иначе, Магницкий не только лишился места попечителя учебного округа, но на его имущество был наложен секвестр, а затем он был сослан в Ревель, где жил около шести лет.

Будучи в ссылке, он сотрудничал с 1832 по 1833 г. с ежемесячным педагогическим, философским, литературным журналом под названием

---

<sup>54</sup> Показания Магницкого... С. 252.



«Радуга». В журнале господствовали, по словам авторов либеральной ориентации, «глумление над западным просвещением и западной философией в особенности», «гонение на западную цивилизацию и порицание русских за сближение с западом»<sup>55</sup>. Подобного рода оценки «Радуги», впрочем, нуждаются в корректировке. Знакомство с содержанием журнала говорит о том, что на его страницах Магницкий пытался разработать свой вариант доктрины «официальной народности», которая опиралась бы на труды некоторых германских философов (не только упомянутого Галлера, но и Ж.-П. Ф. Рихтера, И. Г. Гамана и др.) и православное вероучение<sup>56</sup>.

В основе взглядов Магницкого лежали прежде всего его религиозные убеждения. Представляется, что Магницкий в годы опалы стал человеком искренне верующим. Залогом самобытности России и ее главной духовной ценностью он считал православие. В то время подобное воззрение было, мягко говоря, не в моде среди представителей высшего слоя, в лучшем случае равнодушного к вопросам религии либо состоявшего в масонских ложах или же исповедующего деизм, атеизм и т. п. Неугомонный Магницкий же и здесь упрямо шел против течения. Один из типичных представителей тогдашнего дворянского общества так негодовал по поводу набожности Магницкого: «Умнейший человек, но суеверен как крестьянин. Представьте: у него огромные иконы, перед которыми теплится день и ночь лампада!»<sup>57</sup>. Магницкий не раз давал волю своему гневу против «разных аристократических замашек и капризов в деле веры», не перенося на дух «разделения в вере между аристократами и мужиками, между господами и слугами» и суждений вроде «Как же я позволю священнику помазать мне лоб, чтобы одно и то же было для лакея и для барыни!». Лица духовного звания утверждали, что Магницкий в вере был «совершенный простец». Сам же бывший попечитель Казанского округа в узком кругу заявлял: «Моя вера — кучерская, <...> мы с кучером ходим в одну церковь. <...> В какую церковь мой кучер, туда и я. А если в ней несколько священников, то если я застану в церкви кого-либо из них, — то — это он, мой духовник»<sup>58</sup>. Когда

---

<sup>55</sup> В. К. Магницкий... С. 329; Ч-в [Чумиков А. А., Чумиков А. П.]. Михаил Леонтьевич Магницкий. Новые данные к его характеристике. 1829–1834 // Русская старина. 1875. Т. 14. Кн. 11. С. 485.

<sup>56</sup> «Радуга». Журнал философии, педагогики и литературы. Ревель, 1832–1833.

<sup>57</sup> Морозов П. Т. Мое знакомство с М. Л. Магницким... С. 5.

<sup>58</sup> Мацевич Л. С. Одесские заметки о Магницком // Русский архив. 1898. № 2. С. 225–226.

у него случались семейные раздоры с женой-француженкой, то он видел в них «наваждение дьявола» и поэтому «всякий раз кропил стены святою водою и курил в комнатах херувимским ладаном. Этим он прогонял бесов, как причину раздора». За подобные действия и высказывания большая часть тогдашнего русского образованного общества считала Магницкого «чуть не помешанным»<sup>59</sup>.

Годы ссылки проходили большей частью впустую для этого еще вполне деятельного и энергичного человека. Поэтому в 1834 г. он обращается с покаянным письмом к князю А. Н. Голицыну, после которого ему было разрешено перебраться в Одессу, где он вел большей частью домашний образ жизни, занимаясь совершенствованием своих знаний греческого языка и переводом книг древних писателей.

Судьба была неблагоприятна к Магницкому: в начале 1839 г. одесские власти под предлогом, что он начал «водиться с праздными людьми в Одессе, занимается интригами, пересудами, сплетнями и неосновательными доносами, затрудняет начальство и возбуждает вредное для службы несогласие»<sup>60</sup>, приказали ему покинуть Одессу. Магницкий переехал в Херсон под надзор полиции и провел там два года в полном одиночестве, но в 1841 г. ему разрешили вернуться в Одессу, где 21 ноября 1844 г. он скончался от воспаления легких.

Представляется, что Магницкий был ярким представителем того течения в русском консерватизме, которое опиралось на православие и исходило из убеждения в том, что Россия должна идти по самобытному пути развития. Эволюция от либерала-западника, деиста, затем поклонника вне-конфессиональной мистики и вплоть до православного консерватора-монархиста была достаточно типичной («слева направо») для многих русских консерваторов, достаточно вспомнить Н. М. Карамзина, С. С. Уварова, Ф. М. Достоевского, Л. А. Тихомирова. Магницкий в этом отношении был отнюдь не уникален. Он, с определенными оговорками, в идейном плане оказался непосредственным предшественником графа С. С. Уварова с его знаменитой триединой формулой «Православие. Самодержавие. Народность».

---

<sup>59</sup> Там же. С. 226.

<sup>60</sup> Там же.

## Источники и литература

1. А. И. Михайловский-Данилевский. Из воспоминаний // Русский вестник. 1890. Т. 210. № 9.
2. Автобиография Юрьевского архимандрита Фотия // Русская старина. 1896. Июль. С. 177–180.
3. Два доноса в 1831 году. Всеподданнейшие письма М. Магницкого императору Николаю об иллюминатах // Русская старина. 1899. № 1–3.
4. Два мнения попечителя Казанского учебного округа, М. Л. Магницкого // Русский архив. 1864.
5. Вишленкова Е. А. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века. Саратов, 2002.
6. Вишленкова Е. А. Ревизор, или Случай университетской проверки 1819 года // Отечественная история. 2002. № 4. С. 22–35.
7. ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 879, 880.
8. ГАРФ. Ф. 1165. Особенная канцелярия министерства внутренних дел. Оп. 3. Д. 59. 1824. «Записка о тайных обществах, полученная от Магницкого М. Л. в 1824 г. (об иллюминатах, об-ве Иоахима, о распространении немецкой философии. 1824)».
9. Греч Н. И. Записки о моей жизни. М., 1990.
10. Загоскин Н. П. История императорского Казанского университета за первые сто лет его существования (1804–1904). Казань, 1902–1904. Т. 1–4.
11. Инструкция директору Казанского Университета // Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. Царствование Александра I. 1802–1825. Изд-е 2-е. СПб., 1875. Т. 1.
12. Лажечников И. И. Как я знал Магницкого // Русский вестник. 1866. № 1.
13. В. К. Магницкий // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1896. Т. 35.
14. Магницкий М. Л. Православное просвещение / сост., предисл. Минакова А. Ю., имен. указ. Гришиной Е. П., коммент. Хатунцева С. В. / отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, Родная страна, 2014. 528 с.
15. Мацеевич Л. С. Одесские заметки о Магницком // Русский архив. 1898. № 2.
16. Минаков А. Ю. Вера не по разуму // Родина. 2011. № 12. С. 86–88.
17. Минаков А. Ю. Михаил Леонтьевич Магницкий // Вопросы истории. 2010. № 11. С. 36–49
18. Минаков А. Ю. Михаил Леонтьевич Магницкий // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / отв. ред А. Ю. Минаков. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2005. С. 267–307.
19. Минаков А. Ю. «Погром» или ревизия? (предисловие к публикации архивного документа «Отчет по обозрению Казанского университета»

Магницкого М. Л.) // Консерватизм в России и мире: в 3 ч. Воронеж, 2004. Ч. 3. С. 122–125.

20. *Минаков А. Ю.* Русская партия в первой четверти XIX века. М., Институт русской цивилизации, 2013. 528 с.

21. *Минаков А. Ю.* Русский консерватизм в первой четверти XIX века: монография / Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2011. 560 с.

22. *Морозов П. Т.* Мое знакомство с М. Л. Магницким. М., 1877.

23. *Панаев В. И.* Воспоминания // Вестник Европы. 1867. Т. 4. Кн. 12.

24. Письма разных лиц И. И. Дмитриеву // Русский Архив. 1866. Т. IV. Стлб. 97–98.

25. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (с 1807–1829 год). СПб., 1883.

26. Показания Магницкого // Деятельность XIX века. Исторический сборник. М., 1872. Т. 1.

27. *Попов Н. А.* Общество любителей отечественной словесности и периодической литературы в Казани с 1804 по 1834 гг. // Русский вестник. 1859. Т. 23.

28. «Радуга». Журнал философии, педагогики и литературы. Ревель, 1832–1833.

29. РГИА. Ф. 733. Санкт-Петербургский учебный округ. Оп. 39. Д. 259. Дела о ревизии Казанского университета М. Л. Магницким и проведенных реакционных предприятиях.

30. РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 203. Л. 9.

31. *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения (1802–1902). СПб., 1902.

32. Русский Архив. 1870. Стлб. 1150.

33. Сборник исторических материалов, извлеченных из архивов I Отделения с. е. и. в. к. СПб., 1876. Вып. 1.

34. Сборник постановлений по Министерству Народного просвещения. Царствование Александра I. 1802–1825. Изд-е 2-е. СПб., 1864. Т. 1. Стб. 1317–1337.

35. *Серков А. И.* История русского масонства XIX века. СПб., 2000.

36. *Скабичевский А. М.* Очерки истории русской цензуры (1800–1863). СПб., 1892.

37. *Сухомлинов М. И.* Исследования и статьи по русской литературе и просвещению: в 2 т. СПб., 1889. Т. 1.

38. *Успенский В. П.* Преосвященный Нектарий [Теляшин], второй настоятель Ниловой Столобенской пустыни, бывший архиепископ Сибирский и Тобольский. Тверь, 1882.

39. *Феоктистов Е. М.* Магницкий. Материалы для истории просвещения в России // Русский вестник. 1864. № 6–8.

40. *Фортуатов Ф. Н.* Памятные записки вологжанина // Русский архив. 1867. № 12.

41. Чистович И. А. История перевода Библии на русский язык. М., 1997. С. 70.
42. Ч-в [Чумиков А. А., Чумиков А. П.]. Михаил Леонтьевич Магницкий. Новые данные к его характеристике. 1829–1834 // Русская старина. 1875. Т. 14. Кн. 11.
43. [Чумиков А. А., Чумиков А. П.] Михаил Леонтьевич Магницкий в 1812–1844 гг. // Русская старина. 1875. Т. 14. Кн. 12.

***Arkady Minakov. Mikhail Magnitsky as a Religious Type during the Reigns of Alexander I and Nicholas I.***

Mikhail L. Magnitsky was a famous statesman in the reign of Alexander I. He had a significant influence on the formation of government policy in science, education, censorship, and religious policy. At first, Magnitsky was a supporter of enlightenment and constitutional ideas, a member of the Masonic Lodge “Polar Star”, and a close associate of the leader of the Russian liberals M. M. Speransky. During his exile in 1812–1816, Magnitsky underwent a spiritual crisis, which led him to religion. Magnitsky carried out a number of activities at Kazan University, which were supposed to add a religious component to science and education. His views were first quite removed from Orthodoxy and were developing in line with Protestant mysticism popular among the intellectual and political elite of the time. A full analysis of his world-view reveals that starting in the 1820's, Magnitsky broke with the liberal camp and became a convinced conservative. He underwent a serious evolution from a Westernizer, liberal, and deist, first to a supporter of non-confessional mysticism, and then to an Orthodoxy conservative and monarchist. This spiritual evolution was quite typical for many of the representatives of Russian conservative thought of the time.

**Keywords:** evolution of the religious views of Mikhail Magnitsky, Russian conservatism, politics of education and science in the 19th century, freemasonry, mysticism, Orthodox opposition.

*Arkady Yuryevich Minakov* — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Faculty of History at Voronezh State University, Director of the Zonal Research Library of Voronezh State University (minak.arkady2010@yandex.ru).